

Константинова Наталья Владимировна

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОБРАЗА ЧИНОВНИКА-ПЕРЕПИСЧИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается вопрос о специфике образа чиновника-переписчика в произведениях Н. В. Гоголя. Продолжая традицию изучения духовной природы данного образа в произведениях писателя, автор выделяет "внутреннюю натуру" пишущего героя, сакральную сторону его деятельности, особо акцентируется внимание на том, что именно функция скриптора определяет "духовное лицо" гоголевского чиновника. Анализ нарратива повестей "Шинель" и "Записки сумасшедшего" выявляет два полюса семантики процесса письма: переписывание, сохраняющее сакральный смысл писания героя и духовную цельность человека, и сочинительство, заражающее героя манией чина, гордыней, разрушающее его духовный мир.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 94-97. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Комаров А. П.** Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1973. 69 с.
7. **Одинцова И. В.** Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. № 1. С. 48-72.
8. **Петровская С. С.** Функциональная близость предложения и субстантивно-инфинитивного словосочетания // Синтаксис предложения и текста: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1985. С. 42-48.
9. **Русская грамматика:** в 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. 2. 783 с.
10. **Теремова Р. М.** Опыт функционального описания причинных конструкций. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1985. 70 с.
11. **Юнг В.** Грамматика немецкого языка. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1968. 518 с.
12. **Mutius Bernhard.** Die Kunst der Erneuerung: was die Erfolgreichen anders machen: 12 Gebote des Gelinges. Frankfurt a/M: Campus Verlag, 1995. 230 S.

INFLUENCE OF PRIORITY PRINCIPLE ON CHOICE OF WAYS OF EXPRESSING CAUSAL EVENTFULNESS IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Katsitadze Inna Mangurovna, Ph. D. in Philology
Khristianova Natal'ya Valer'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
mangurowna@yandex.ru; nkhr75@mail.ru

The article studies the dependence of the ways of expressing causality in the Russian and German languages on the hierarchy of absolute priority strategies. Priority strategies emphasize and intensify the most significant (in terms of communicative aspect) components of the meaning in the semantics of causal statements (causal and event components) and weaken the least significant. Some verbal ways of expressing causal relations can in an expanded form represent the causal and event components. The others express the causal and event components in a minimized, reduced form. Thus, the verbal ways of expressing causal relations form a hierarchy by the degree of explicitness of causal and event components in them.

Key words and phrases: causality; eventfulness; priority principle; priority strategies; communicative significance; predication; modality.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о специфике образа чиновника-переписчика в произведениях Н. В. Гоголя. Продолжая традицию изучения духовной природы данного образа в произведениях писателя, автор выделяет «внутреннюю натуру» пишущего героя, сакральную сторону его деятельности, особо акцентируется внимание на том, что именно функция скриптора определяет «духовное лицо» гоголевского чиновника. Анализ нарратива повестей «Шинель» и «Записки сумасшедшего» выявляет два полюса семантики процесса письма: переписывание, сохраняющее сакральный смысл писания героя и духовную цельность человека, и сочинительство, заражающее героя манией чина, гордыней, разрушающее его духовный мир.

Ключевые слова и фразы: герой-скриптор; нарратив; чиновник-переписчик; сочинительство; архетип.

Константинова Наталья Владимировна, к. филол. н.
Новосибирский государственный педагогический университет
scribe2@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОБРАЗА ЧИНОВНИКА-ПЕРЕПИСЧИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ©

Анализ нарратива произведений Н. В. Гоголя о чиновнике позволяет увидеть не только социальный контекст, который чаще всего изображался в текстах с подобным сюжетом, но и духовно-религиозную основу образа чиновника-переписчика. Именно способ описания деятельности гоголевского героя раскрывает его двойную природу: внешнюю и внутреннюю, социальную и духовную. Наиболее репрезентативными в обозначенном контексте являются две повести автора, в которых доминирует не только сюжет о чиновнике-переписчике, но и нарративная стратегия, направленная на изображение внутреннего мира пишущего героя. Повествование от 1-го лица в повести «Записки сумасшедшего» демонстрирует не только его кругозор, отношение к другим людям, жизненные цели, но и авторские, писательские стратегии чиновника-переписчика. Иными словами, мелкий чиновник для письма, которого в литературе периода «натуральной школы» принято было изображать со стороны, описывать его как социальное явление, получает у Гоголя право на высказывание в письменной форме, право на Слово. Таким образом, две повести Гоголя – «Шинель» и «Записки сумасшедшего» – можно анализировать как повествование (письмо) о чиновнике-переписчике и повествование самого чиновника. Такой подход и дает возможность определить специфику «внутренней натуры» пишущего героя, указать функцию данного типа героя в творчестве Гоголя.

Интерес к фигуре Акакия Акакиевича связан в большей степени со спецификой изображения его отношения к процессу писания – к своему (ничтожному с внешней стороны) месту в мире. Переписывание – символический мир, в котором изображается «внутреннее лицо» (термин С. Г. Бочарова [1]) чиновника: «Знаковая природа описания Акакия Акакиевича, в которой ключевая роль принадлежит метафоре (важнейшая – «мир» – «книга» и «книга» – «мир») и символическим уподоблениям (лицо и буква, улица и строка, внешнее слово и слово внутреннее), становится средством изображения внутренней жизни персонажа, которая предстает как особое состояние души, пронизанное мистическим переживанием невидимой природы и отмеченное мифосимволическим мировосприятием» [2, с. 155].

Продолжая традицию изучения «внешнего» и «внутреннего» человека в художественном мире Гоголя, отметим, что анализ «внутренней» природы героя-переписчика позволяет актуализировать соотношение социального и духовного контекстов в гоголевском произведении, выявить вторую сторону образа мелкого чиновника – сакральную. Данный подход определяет и образную параллель: чиновник-переписчик – «маленький человек», который воспроизводит канцелярские бумаги, и средневековый монах, посредник, переписывающий сакральные тексты – «*homo scribens*». Именно функция скриптора и определяет «духовное лицо» гоголевского чиновника. Таким образом, следует отметить, что в произведениях Гоголя можно выделить особый сюжет – «скрипторский», подробный анализ которого существенно дополняет новыми значениями интерпретацию образа чиновника-переписчика.

Безусловно, духовный контекст типа «бедного чиновника» в творчестве Гоголя неоднократно подвергался изучению в литературоведении. Религиозные взгляды Гоголя, его духовные искания стали предметом научных исследований на рубеже XIX–XX веков в работах В. В. Зеньковского [8], К. В. Мочульского [10]. Интерес к этому вопросу был возобновлен в конце 1980 – начале 1990-х годов в трудах С. Г. Бочарова [1], И. А. Виноградова [2], С. А. Гончарова [4], Ч. де Лотто [9]. В работах названных исследователей при анализе образа Башмачкина неоднократно выделяются черты, присущие монаху, мученику, средневековому переписчику. Е. В. Грекова в статье «Социально-бытовые и христианские начала в повести Н. В. Гоголя «Шинель»» даже проводит параллели с текстом жития святого Акакия Синайского [5]. Однако следует отметить, что духовная природа героя в большей степени раскрывается непосредственно в его отношении к своему труду переписчика.

В зависимости от принципов отношения чиновника к своему «поприщу», «служению» можно выделить несколько типов «пишущих» героев Гоголя, которые и определяют спектр значения «скрипторства»: от беспрекословного смирения перед своим «местом» в мире, стремления точно копировать канцелярские бумаги, желания «служить» с наслаждением, любовью, несмотря на ничтожность своей деятельности, до ощущения внутренней потребности получить дело поважнее простого «переписывания», создать собственный текст – стать самостоятельным автором. В духовном контексте произведения выявляется соотношение смирения и богоборчества посредством описания ключевых стратегий «пишущего» героя. Например, отказ от процесса переписывания – воспроизведения чужого текста, принципиальное несогласие героя с предназначенной ему социальной ролью чиновника демонстрируют рост гордыни, амбиций героя. Таким образом, семантика образа героя-переписчика в повестях Гоголя неоднородна, она не сводится только к типу «переписчика». Скорее, герой выполняет функцию скриптора, так как данный термин включает в себя весь спектр указанных значений. Так, в латинско-русском словаре отмечаются следующие значения слова «скриптор» (*scriptor*): 1) писец, секретарь; 2) переписчик; 3) писатель; 4) автор; повествователь: автор рассказа (сочинения) о чем-либо; 5) составитель – законодатель; летописец, историк; 6) поэт [6, с. 692].

Отречение героя от своей внутренней природы – «овеществляет» и разрушает его внутренний мир. О. Г. Дилакторская отмечает, что период «построения» шинели зеркально замещает период «переписывания», что демонстрирует процесс грехопадения Башмачкина [7]. Так, например, в сюжете повести возникает очевидное сопряжение процессов писания и шитья, посредством которого раскрывается отношение героя к внешнему (сочинительству – шитью) и внутреннему (переписыванию), к духовному и социальному миру. Двойственная природа нарратива зеркально отражает и бинарную природу героя: «...–низкое» и «–высокое» в Акакии Акакиевиче соотносится как тленное и нетленное, внешнее и внутреннее, как видимая натура и невидимая. В семиотическом плане – как план выражения и план содержания. В тленном мире – он мелкий чиновник, переписчик, в вечном – истинный, внутренний человек, «вечный» титулярный советник, человек Божий...» [4, с. 164].

Для главного героя повести «Шинель» оказывается принципиально значим не только чин «вечного титулярного советника», но и занимаемая им по службе должность переписчика, получающая особо важное обоснование в контексте существенной для автора духовно-религиозной проблематики. Мир букв, или сам процесс переписывания, каким бы механическим он ни выглядел для окружающих, для героя – это, прежде всего, значимая часть духовного мира, оторванного от всего земного и прямо противопоставленного насущному, а потому-то и неслучайно характеризуемого некоторым избытком творческой свободы. Любовь к переписыванию утвердилась в структуре личности Башмачкина в начале повести и, по сути, стала его второй натурой. Следует отметить, что даже сюжетная ситуация выбора имени главному герою может быть воспринята как символическое «переписывание сыном судьбы своего отца». Особенная любовь к буквам актуализирует характерную черту героя-переписчика как именно носителя средневекового типа сознания, имеющего дело со священными книгами. Как заметил М. Эпштейн, «кротость, смирение <...> восходит, условно говоря, к архетипу писца, глубоко укорененного в мировой культуре», и раскрывается «в своих непосредственных связях со средневековым мирозерцанием» [11, с. 137].

В свете сказанного по-новому может быть осмыслен навязчивый страх героя перед совершением даже малейшей погрешности в переписывании: любая ошибка переписчика равносильна совершению греха с религиозной точки зрения. Для средневекового писца, монаха искажение священного текста было актом неповиновения, богоборчества, знаком проявления гордыни. В этом плане показательно, что Башмачкин «не делал ни одной ошибки в письме» – даже несмотря на всевозможные докучи и издевательства со стороны канцелярских служащих. Но тогда особенно важно присмотреться к единственной в сюжете сцене «своеволия» героя, когда посетившая его мечта о новой шинели, превратившись уже в четко осознанную цель, начинает способствовать рассеянности. При этом в речи повествователя впервые появляются выражения о мелькнувшем в глазах героя огне и о «самых дерзких и отважных мыслях», которые повторяются позднее в сцене диалога со значительным лицом и при описании его поведения на смертном одре. Принципиальное изменение жизненных приоритетов – появление навязчивого желания получить новую шинель – приводит героя к тому, что переписывание в его картине мира как важная ранее деятельность уходит на второй план. И как логическое следствие данной метаморфозы сознания – чуть не сделал ошибки при переписывании. Этот эпизод в повествовании о судьбе чиновника – важный сигнал, предзнаменование будущего грехопадения человека, искажения духовного лица героя.

В контексте архетипа средневекового переписчика также по-особому прочитывается следующий эпизод из биографии Акакия Акакиевича – начальник предлагает дело поважнее простого переписывания бумаг. Данный фрагмент текста часто рассматривается как свидетельство духовной ограниченности героя. Между тем необходимо помнить, что по средневековым представлениям мир – это книга, т.е. текст, воплощающий в себе Божественный смысл. В связи с этим любое преобразование сакрального текста признается как дело опасное и соблазнительное. Так и для чиновника Башмачкина в начале повести это задание становится испытанием: он вспотел совершенно, несколько раз переписывал и в итоге отказался выполнять работу, связанную с изменением текста. Таким образом, механическое переписывание чиновника, с одной стороны, с точки зрения законов социального мира, раскрывает его ничтожность, с другой, духовной стороны, демонстрирует высшую степень кротости и смирения пишущего человека, скриптора.

Описание «овеществления» героя, отречения от своего места, поприща актуализирует нравственный контекст повести: разрушение внутреннего духовного начала в человеке, замещение внутреннего внешним. Метафорой «внешнего» человека становится одежда – оболочка социального мира. Движение от переписывания/смирения, которое сочетается с аскетизмом по отношению к одежде, к сочинительству/бунту, маркированному желанием приобрести новую одежду (вещественную оболочку социального мира), – это путь от внутреннего к внешнему, от вечного к временному, от сакрального к профанному. Чинция де Лотто пишет, что мысль о шинели «входит в душу Акакия Акакиевича, прочно в нем поселяется, заставляет его предать свою службу, устоявшуюся жизнь и приводит, наконец, к гибели. Если Гоголь не сумел показать в героях движение к добру, восхождение по лестнице добродетелей, то обратное движение, вниз по лестнице, он показал в истории Акакия Акакиевича» [9, с. 69]. Таким образом, повесть «Шинель» представляет один из вариантов «скрипторского сюжета» в творчестве Гоголя, описывает процесс грехопадения кроткого переписчика, в сознании которого служение Слову замещается идеей Шинели, происходит подмена человека вещью, духовный мир вытесняется социальным, служение переходит в службу и в финале заканчивается экзистенциальным бунтом и гибелью героя.

В повести «Записки сумасшедшего» зависимость героя от вещного мира акцентируется в сознании героя изначально, что и объясняет ошибки, неточности в его работе переписчика. Этот недостаток в работе чиновника обозначен уже в характеристике начальника: «...дело подчас спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера» [3, с. 193]. Сам же Поприщин рассматривает умение писать как атрибут только чина дворянина: «Правильно писать может только дворянин. Оно, конечно, некоторые купчики-конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда, но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога» [Там же, с. 195]. Чиновник в своих записках часто отмечает некоторые происшествя в виде следующего комментария: «никакое перо не опишет». Такие события, как правило, связаны с одеждой, материей. Герой оценивает платье Софи и ее платок, который «дышит генеральством», в контексте социальной атрибутики. Материя является униформой вещного (социального) мира, который так притягивает Поприщина. Свою «нульность» в социальном мире герой объясняет отсутствием необходимой одежды, сшитой по моде: «Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук, – тебе тогда не стать мне и в подметки. Достатков нет – вот беда» [Там же, с. 198].

Письма собачонки Меджи (маленькие бумажки, связанные в узел) символически «открывают» Поприщину особенность того вещного мира, к которому он так стремится. Герой комментирует слог и писание Меджи-автора: «Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиной» [Там же, с. 203]. Анализируя письма собаки, Поприщин сам становится повествователем, который ведет диалог с героем. Переписка Меджи и Фидель подменяется в нарративной структуре диалогом Поприщина с Меджи (в тексте нет ответных писем Фидель). Герой разрушает («изорвал в клочки») этот письменный документ в тот момент, когда он перестает его устраивать, и умная собачонка превращается в глупую. После этого мечты, амбиции Поприщина приобретают форму генеральского мундира тогда, когда он понимает, что на этом принципе стоит весь социальный мир. Как и Башмачкин, этот переписчик Гоголя все больше и больше погружается в мир одежды, происходит окончательное «овеществление» человека.

А его перевоплощение в короля Испании (анаграмма: Испания – писания // Поприщин – король Писания) приводит одновременно к отказу от переписывания «гадких бумаг». Переписчик перестает выполнять свои функции в социальном мире, отказывается идти на службу, самостоятельно меняет социальную роль. Поприщину-королю все же важно письменно обозначить свой новый статус, и на очень важной официальной бумаге появляется имя Фердинанд. Собственноручная подпись Поприщина приводит к необходимости в отражении этого звания и посредством шитья. Появляется потребность шить новый костюм, который герой также «творит» сам: «Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я сам решил шить, заперши дверь, чтобы никто не видал. Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой» [Там же, с. 210]. Таким образом, в финале повести герой претендует на несколько социальных ролей: короля, автора писем, портного, – сочетание которых демонстрирует усиление процесса грехопадения. При этом демоническая сила одежды представляется и в образе черта, который прячется во фрак «толстяка со звездой». Это сравнение указывает на то, что в каждой униформе есть нечистая сила, отмечается универсальная черта одежды в социуме чина. Женщина, по мнению Поприщина, «влюблена в черта» – социальную униформу как общеприятый эквивалент чина, достоинства человека.

Шитье мантии короля из вицмундира означено в записках знаком полного разрушения и хаоса: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое» [Там же]. Погружение в процесс шитья окончательно разрушает писание Поприщина. И только в финале последовательный отказ героя от своих имен/оболочек приводит его к осознанию своей экзистенциальной наготы («Я ничего не имею»), незащищенности. Рост амбиций героя отражается в писании и шитье в контексте проблемы «авторства» записок. Ориентация на чужое авторское писание постепенно переосмысливается героем. Желание подглядеть, подсмотреть, переписать, прочесть сменяется претензией на собственное авторство. Основы реального социального мироустройства не устраивают Поприщина, и он переписывает их по собственному замыслу (другие «портные» – это совершенные ослы). Авторитет других авторов, в частности, Меджи, исчезает вместе с доверием к портным. Герой меняет свое положение на социальной лестнице, становится автором, а не переписчиком, перешивая одну униформу в другую, повышается в статусе.

Таким образом, специфика образа чиновника-переписчика в произведениях Н. В. Гоголя выражается в особой функции героя-скриптора – изображении «внутреннего лица» человека. Повести «Шинель» и «Записки сумасшедшего» как наиболее репрезентативные в этом отношении тексты демонстрируют два полюса семантики процесса письма: переписывание, сохраняющее сакральный смысл писания и духовное содержание человека, и сочинительство, заражающее человека манией чина, погружающее его в зависимость от социального мира, «овеществляющего» человека, разрушающего его душу.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Гоголь: история и современность: к 175-летию со дня рождения. М., 1985. С. 121-151.
2. Виноградов И. В. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 397 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1938-1952. Т. 3. 728 с.
4. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
5. Грекова Е. В. Социально-бытовые и христианские начала в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 233-239.
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз.; Медиа, 2003. 1088 с.
7. Дилакторская О. Г. О «Шинели» Н. В. Гоголя. Построение сюжета // Литературная учеба. 1982. № 3. С. 151-162.
8. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. М.: Школа, 1997. 120 с.
9. Лотто Ч. Лестница «Шинели» // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 61-72.
10. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
11. Эпштейн М. О значении детали в структуре образа (Переписчики у Гоголя и Достоевского) // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 134-145.

ON THE PROBLEM OF SPECIFICS OF IMAGE OF CLERK-COPYIST IN WORKS BY N. V. GOGOL

Konstantinova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Pedagogical University
scribe2@yandex.ru

The article examines the problem of the specifics of the image of the clerk-copyist in works by N. V. Gogol. Carrying on the tradition of studying the spiritual nature of this image in the writer's works the author distinguishes the "internal nature" of the writing character, the sacral sphere of his activity. Special attention is paid to the fact that the very function of the scripter determines the "spiritual face" of Gogol's clerk. The analysis of the narration of the stories "The Overcoat" and "Diary of a Madman" reveals two poles of the semantics of the process of writing: copying, preserving the sacral meaning of the character's writing and the spiritual integrity of a person, and creative writing infecting the character with a mania for a rank, pride destroying his spiritual world.

Key words and phrases: character-scripter; narration; clerk-copyist; creative writing; archetype.